

Содержание

Путешествие в другую реальность 8

ЗАГАДОЧНЫЕ ПЛЕМЕНА НА ГОЛУБЫХ ГОРАХ

Несколько слов предисловия. 15

Глава I,

в которой два Немврода отправляются на охоту за «богами», а натываются вместо них на боа-констриктора и на бробдигнагов и лилипутов. 22

Глава II

Новое восхождение на Тоддобетский пик. — Англия объявляет Голубые Горы британскою территорией и кладет Нильгири в карман. — «Боги» разжалованы в смертные. — Различные гипотезы о тоддах. 59

Глава III,

где я лично знакоблюсь с тоддами 91

Глава IV

Фальшивое положение беспристрастного летописца. — Страница из темного прошлого тоддов, баддагов и муллу-курумбов. — Их предания. — Сопоставление с «Рамаяной». — Где кончается фантазия и начинается правда? — Заключение, к которому описанные факты приводят беспристрастного наблюдателя 123

Глава V

О тоддах вообще, а о муллу-курумбах и баддагах — в частности. — Вырванная страничка из деяний доктора Шарко. 152

Глава VI

Благодетельная болотная лихорадка. — Современный случай колдовства. — «Хука-мелла». — Колдовство официальной науки. — Какая разница между гипнотизатором и колдуном? — Случай в Париже и случай в Уттакаманде 181

Глава VII

Заключение 209

ДУРБАР В ЛАХОРЕ (ИЗ ДНЕВНИКА РУССКОЙ)

Глава I

Через Симлинские холмы в Кальку и Умбаллу. — Санитариумы Индии и чайная плантация индийского Цинцинната. — Сады Пинджора, Махараджи Путтиальского. — Колесницы-пытки. — Калька и счастливое семейство скорпионов. — Амритса и ее разнохарактерные народности. 237

Глава II

Сиккизм и цари-гуру. — Посещение Золотого Храма. — Чудоявленный фонтан. — Мы делаемся «бессмертными». — Базар Амритсы и сетования его жителей. — Мнение англичан о господстве англичан. — Черный город и кантонементы. — Иллюминация Девалли. — 92 кука, выпаленных из пушки 251

Глава III

Необходимое отступление. — Англо-индийцы, англичане и Англия. — Кто виноват? — Права садовника-бритта и садовника-индуса. — Концерт обоюдных жалоб. — Разница в результатах присяги на «коровьем хвосте» или на «Бхагават-гите». — Что руководит англичанами? — Кули. — Англо-индеец *en deshabillé*. — Отсутствие патриотизма в индусе. 279

Глава IV

Город прокаженных. — Бессильная злоба газет против теософов. — Лахор в ожидании вице-короля. —

Лахор при мусульманах. — Его древность и кем построен. — Мавзолей Рунджит-Синга, его четырех жен и семи невольниц. — История его любимой жены, рани Чинды, и ее смерть в Кенсингтоне. — Сын «Пенджабского старого Льва». — Пушка Талисман. — Лагерь махараджей. — Серебряный фазтон раджи Джинда. — Соперничество двух науабов 301

Глава V

Британский Немврод и «полосатые». — Что творится на дурбарах. — В ожидании приезда маркиза. — Слоны и их раджи. — Принцы и их политические дядьки. — Торжественный приезд вице-короля. — Адрес муниципалитета. — Вид процессии со старой башни. — Странное поведение махараджи Кашмирского. — Трехъярусная процессия слонов. — Что думает о дурбарах туземная печать 317

Глава VI

Сады Шалимарские и незабудки с берегов Рейна. — Допотопные экипажи. — Нисходящая иерархия раджей и восходящая иерархия завоевателей. — Британские идеи о русских. — Что англо-индийцы почитают за пес plus ultra «бон-тона»? — Олимп и отсутствие амвросии. — Счастливые раджи и голодные кули. — Кого Англии следует страшиться? — Обед шотландских героев. — Кашмирский Вильгельм Тель. — Долговязый майор в западне. — Правда глаза колет даже героям 335

Глава VII

Великий дурбар. — Раджи приготавливаются. — Судилище Озириса-Аменти. — Озирис, Тифон и осужденные души. — «Русская интрига». — 500 искушений. — Чем может иногда разрешиться тайна «русской интриги» в Индии. — Данга. — Меня лечат астрологи. — Популярность маркиза Рипона. — Гомер и я. — Спасаясь в Бенаресе. — Финал 353

Путешествие в другую реальность

Нет на свете человека, которого не интересовали бы вопросы, затронутые в книге выдающейся исследовательницы, писательницы, путешественницы Е. П. Блаватской. Магия и колдовство, загадочные психические силы, скрытые в человеческой душе, невидимый мир и его обитатели, способность человека общаться с душами людей, перешедших в мир иной, и т. п. — спектр вопросов, затронутых в этой книге, очень широк, а их освещение сочетает художественную увлекательность с научной скрупулезностью и объективностью. И хотя «Загадочные племена» принято считать путевым дневником, записками путешественницы, побывавшей в далеких экзотических краях, по существу тематика и направленность этой работы гораздо глубже. В этой книге затрагиваются вопросы, имеющие прямое отношение к эзотерическим учениям Востока. Каковы в действительности возможности человеческой психики? Куда может быть направлен ее психодуховный потенциал? Каким образом одни и те же психические способности используются одними людьми во зло, другими — во благо? Почему нельзя тревожить души ушедших в мир иной людей, и чем опасно широкое распространение спиритизма? Эти и многие другие проблемы эффектно и увлекательно раскрываются Е. П. Блаватской на страницах ее книги. Подчеркнем при этом еще одно несомненное достоинство этой книги — ее объективность. Захватывающее повествование о племенах потомствен-

ных магов — как черных (муллу-курумба), так и белых (тодды) — это не вымысел автора, а подлинное этнографическое и этнопсихологическое исследование, дающее вполне правдивую картину жизни восточных народностей, — картину, весьма непривычную для европейского менталитета, но тем не менее существующую в действительности. В реальном существовании сил магии и колдовства убедилась в свое время не только Е. П. Блаватская, объездившая весь мир и изучавшая религиозные культы и оккультные практики народов Востока и Запада. В этом убедились и другие исследователи, интересовавшиеся этой тематикой и вполне объективно подходившие к вопросу о так называемых «чудесах», то есть оккультных силах, применявшихся местными колдунами и знахарями. Так, великий русский художник, исследователь, путешественник Н. К. Рерих в своей книге «Алтай — Гималаи» писал о явлениях колдовства и магии, особенно распространенных у восточных народностей: «Во времена инквизиции за инвольтацию с терафимом сжигали, но в Индии и сейчас практикуется этот способ воздействия напряжения воли. Еще в Америке рассказывали о ксендзах, применяющих это воздействие. И сейчас на Малабарских холмах могут прийти темные люди и за неисполненное желание будут стремиться прикоснуться к вам, сказав: «Господин будет болен» или: «Проживешь только десять дней». Если организм в этот момент утомлен или воля слаба, то приказ исполняется. И вылечить можно тогда только контрвнушением. Но часто обратное воздействие менее сильно [или не применяется вовремя].»

Передаваемые случаи «смертного глаза» составляют замечательное и совсем не изучаемое задание для психиатров и криминалистов. Лицо, получившее волевой

удар, в назначенные сроки начинает терять жизненную энергию и теряет самозащиту, и наконец аппарат останавливается. Врачи, не применив вовремя внушение, теряются в средствах и начинают еще более отравлять парализованную нервную систему. Злостное малокровие, поражение сердца, или селезенки, или желчного пузыря, нервные спазмы и удушья часто являются официальным следствием волевого приказа. Трудно установить, как происходит качество поражения органов; вернее, представить, что наиболее слабый орган скорее реагирует на поражение нервов. В малой и грубой степени то же явление знакомо в шаманизме, но степени воли и применения ее совершенно несравнимы. Справедливо указывается, что такое волевое убийство или повреждение гораздо опаснее механического. И где искать границы этих воздействий? На Востоке можно иногда услышать многозначительную фразу: «Он не будет жить». Значит, почуяна искра волевого удара».

Исследованием необычных психических способностей, магии и колдовства занимаются и современные ученые. В этой связи невозможно не упомянуть чрезвычайно популярные на Западе книги известного американского антрополога К. Кастанеды, занимавшегося изучением оккультных практик мексиканских индейцев. Справедливости ради также добавим, что первоначальный интерес к магическим практикам в дальнейшем привел Кастанеду к изучению и описанию в его работах интереснейшего этико-философского учения, которое сам автор назвал «нагвализмом», подчеркивая тем самым его отличие от магии и колдовства.

Если же мы обратимся к теме собственно магической практики, то здесь уместно будет сослаться на работы известного британского биолога и врача Лайела

Уотсона, приводившего в своих исследованиях данные, полученные группой ученых, изучавших магические культы африканских народностей. Ученые-врачи, проанализировавшие несколько случаев смертей местных жителей, наступивших, как утверждали их земляки, в результате колдовского воздействия, пришли к выводу, что современная медицинская наука не в состоянии дать объяснение объективных причин гибели этих людей. Основываясь на результатах современных исследований, можно смело утверждать: все, что писала о магии и колдовстве Е. П. Блаватская, — истина, а не вымысел.

Но значение этой книги состоит не только в интереснейшем научном и этнографическом материале, содержащемся в ней, и не только в ее неоспоримой художественной ценности. Главное значение этой удивительной работы — в том духовно-нравственном потенциале, который она в себе несет. Книги Е. П. Блаватской, чему бы ни были они посвящены — основам эзотерической философии Востока или исследованиям магических культов и практик, — всегда несут в себе философско-этическую наполненность, нравственный смысл. Они всегда, пусть и не в форме открытых проповедей, а на интересном художественном материале, учат и призывают к добру. Это в полной мере свойственно и «Загадочным племенам на Голубых Горах». Эта книга впервые увидела свет в России в 1883 году в «Русском вестнике» — том же самом журнале, в котором была издана и работа Е. П. Блаватской «Из пещер и дебрей Индостана», имевшая ошеломляющий успех в широких читательских кругах. Разумеется, новое произведение талантливейшей русской исследовательницы и писательницы (обе работы были изданы Блаватской под

псевдонимом Радда-Бай) было встречено российской публикой с не меньшим интересом.

Пожелаем же современным читателям «Загадочных племен на Голубых Горах» в полной мере насладиться литературным «путешествием» по самым загадочным и экзотическим уголкам Индии и Тибета вместе с автором — неподражаемо остроумной собеседницей, блестящей рассказчицей и бесстрашной исследовательницей Раддой-Бай.

Я. Ковалева

Несколько слов предисловия¹

Недавно одна большая лондонская газета делала саркастические замечания о том, что русские ученые, а русская публика — тем более, имеют весьма смутные понятия об Индии вообще и о ее народностях — в частности. На эту новую британскую «инсинуацию» каждый русский мог бы, при случае, задать первому встречному англо-индийцу такой вопрос: «Позвольте полюбопытствовать: много ли и что именно вы сами знаете о большей части подвластных вам пород Индии? На чем, например, порешили ваши лучшие этнологи, ваши знаменитейшие антропологи, филологи и статистики свой полувековой спор насчет словно с неба свалившегося таинственного нильгирийского племени тоддов? Что известно вашему Королевскому Обществу — хотя члены его вот уже около полу столетия из кожи лезут, чтобы выяснить этот вопрос, — о загадочных племенах «Голубых Гор»?.. О страх наводящих, ужас внушающих карликах, именуемых муллу-курумбами? О яннади, кхотгах, эрулларах, баддагах, то есть о пяти племенах Нильгири, и о десятках других менее таинственных, но столь же мало приведенных в известность, больших и малых племенах, живущих на других горах?..»

В ответ на все эти вопросы, если, паче чаяния, британец почувствует себя в припадке честной откровенно-

¹ В работе сохранены стилистические и орфографические особенности авторского стиля Е.П. Блаватской. — *Прим. ред.*

сти (проявление в нем весьма редкое), оклеветанный русский ученый и путешественник может услышать следующую неожиданную исповедь:

«Увы, мы ровно ничего о них не знаем. Существование их нам известно потому, что мы встречаем их, часто бьем и колотим, а подчас и вешаем, но, с другой стороны, мы не имеем ни малейшего понятия ни о происхождении, ни о языке большинства этих дикарей, менее всего о нильгирийцах. Наши англо-индийские, как и отечественные ученые, чуть не сошли с ума на одних тоддах! Поистине, это племя составляет загадку этнологов нашего века и, как кажется, загадку неразрешимую. И не только для нас, европейцев, но и для самих индусов прошлое этого, крошечного численностью, племени покрыто непроницаемой завесой вековой тайны... Все в нем необычайно, своеобразно, непонятно, необъяснимо! Все, как было с первого дня, когда мы нежданно-негаданно наткнулись на него, так и осталось до сего дня загадкой сфинкса!..»

Так ответил бы всякий честный англо-индеец русскому. Так ответил мне один английский генерал, — о котором упомянем еще не раз далее, — на мои расспросы о тоддах и курумбах.

«Тодды! Курумбы! — почти закричал он, придя в азарт. — Тодды почти свели меня с ума одно время, а муллу-курумбы доводили меня не раз до белой горячки! Как и почему — узнаете после. Но слушайте. Если кто из наших правительственных идиотов (*dunces*) скажет вам, что он хорошо знает и даже изучил тоддов, то скажите ему от меня, что он хвастает и лжет. Этих племен никто не знает. Их происхождение, религия, язык, обряды, предания, все это *terra incognita* для ученого, как и для профана... А их удивительная «психическая сила»,

как ее называет Карпентер¹, их так называемое колдовство и дьявольские чары, кто может нам растолковать эту силу? Это непонятное, ничем не объяснимое их влияние на людей и зверей; у тоддов — к добру, у курумбов — ко злу, кто может разгадать, показать нам, что это такое, какая это сила, которою они орудуют по своему усмотрению? У себя дома мы, понятно, смеемся над нею и их претензиями. Мы не верим в магию и называем веру в нее туземцев суеверием, ерундой. Мы и не посмеем ей поверить. Во имя нашего расового превосходства и всеотрицающей цивилизации, мы обязаны отвергиваться от такой чепухи. И однако же, наш закон признает фактически эту силу, если не в принципе, то в ее проявлениях, наказывая обвиняемых в ней под разными замаскированными предлогами и пользуясь многими лазейками нашего законовещения... Этот закон признал и самих колдунов, повесив вместе с их жертвами некоторых из них, не только за кровавые, но и за те бескровные, таинственные убийства их, которые никогда еще не были легально доказаны в тех драмах, которые так часто разыгрываются здесь между колдунами Нильгири, с одной, и туземцами долин, с другой стороны...»

«Да, вы правы: вы имеете основание смеяться над нами и нашими тщетными усилиями, — продолжал он, — потому что, невзирая на все наши старания, со дня открытия этих грязных магов и колдунов в тущо-бах Нильгири (Голубых Гор), мы не продвинулись ни на один вершок в разрешении вопросов о них. Более всего нас раздражает эта, поистине, чародейная в них сила, опровергнуть проявления которой мы не в состоянии, так как для этого нам пришлось бы бороться ежедневно

¹У. Карпентер — известный физиолог. *Здесь и далее примеч. автора.*

против неопровержимых доказательств... Отвергая объяснения этих фактов туземцами, мы только запутываемся в гипотезах собственного изделия. Отвергая реальность так называемого колдовства и чар, и, вместе с тем, вешая колдунов, мы просто являемся в нашем противоречии грубыми палачами людей, чьи преступления не только еще не доказаны, но и отрицаются нами в самой возможности... То же самое мы можем сказать и относительно тоддов. Мы смеемся над ними и все-таки глубоко уважаем это загадочное племя... Кто они, что они такое? Люди или гении этих гор, боги под засаленными лоскутьями человечества? Все предположения о них отскакивают, как резиновый мячик от гранитной скалы... Так и знайте впредь, ни о тоддах, ни о курумбах вам ничего верного не скажут ни англо-индейцы, ни сами туземцы, а не скажут потому, что они сами ровно ничего о них не знают; да никогда и не узнают...»

Так говорил мне нильгирийский плантатор, отставной генерал-майор и судья на «Голубых Горах», отвечая на все мои вопросы об интересующих меня давно тоддах и курумбах. Мы стояли против скал «Озера» и, когда он замолчал, долго еще слышали, как горное эхо, пробужденное его громким голосом, повторяло насмешливо и замирая: «Не уз-на-ют... не уз-на-ют!»

А ведь действительно интересно было бы узнать! Такое открытие касательно тоддов было бы, пожалуй, позанимательнее даже нового открытия о десяти потерянных племенах Израиля, которые «Общество Отождествления»¹ вдруг нечаянно и негаданно открыло теперь в англичанах.

¹ Identification Society of London, имеющее своим предметом вопрос о «потерянных племенах»; общество чрезвычайно богатое и один из курьезов Англии.

А теперь дадим пока то, что знаем. Но прежде мы должны сказать несколько слов.

Избрав в этих заметках главными героями тоддов и муллу-курумбов, мы чувствуем, что вступаем на опасную для себя почву, почву нежеланную и нелюбимую ни европейскими учеными, ни неучеными европейцами, менее же всего желающею угодить массам печатью. Всем нам ведомо, как упорно она чурается всего, что близко ли, далеко ли напоминает читателям о «духах» и спиритизме. Но говоря о «Голубых Горах» и их странных племенах, нам совершенно невозможно умолчать о том, что составляет их главную и самую выдающуюся характеристику.

Нельзя, описывая совершенно своеобразный уголок земного шара, а главное — его загадочные, ни на кого другого не похожие племена, выкидывать из рассказа то, на чем вся их бытовая и религиозная жизнь построена. По крайней мере, сделать это в отношении к тоддам и курумбам так же невысказано, как ставить на сцене Гамлета, выкинув из пьесы роль принца Датского. Тодды и курумбы рождаются, растут, живут и умирают в атмосфере колдовства. Если верить рассказам туземцев и даже старожилков на этих горах из европейцев, то эти дикари находятся в постоянном общении с невидимым миром. Поэтому, если в этой гирлянде географических, этнологических, климатических и многих других аномалий природы наш рассказ станет, развиваясь, перемешиваться, как пшеница с плевелами, со всяческою, извиняюсь за выражение, чертовщиной, или с аномалиями человеческой природы в области трансцендентальной физики, то вина в том, право, не наша. Зная, как эта область не жалуета гг. естественниками, мы бы душевно были рады осмеять, как и они, все места, как далекие, так и «не столь отдаленные», этой нелюбимой страны; да

совесть не допускает. Нельзя братья описывать совсем новые племена, мало кому известные расы, не затрагивая, в угоду скептикам, самой характеристичной, рельефной черты их вседневной жизни.

Факты налицо. Простые ли они последствия ненормальных и чисто физиологических явлений, по излюбленной теории медиков, или же результаты проявлений (наверное, столь же естественных) сил природы, которые кажутся науке (в ее настоящем неведении) невозможными и несуществующими и поэтому отвергаются, — для нашего дела это не составляет ни малейшей разницы. Мы заявляем, как уже сказано, только факты. Тем хуже для науки, если она еще ничего о них не узнала; а не зная о них ничего, все-таки продолжает называть их «диким абсурдом», «грубым суеверием» да бабьими сказками. К тому же притворяться неверующим и смеяться над верой других в то, что сам признаешь за доказанные реальные явления, не допускающие ни малейшего сомнения, не есть дело ни честного человека, ни аккуратного рассказчика.

Насколько мы лично верим в так называемое колдовство и «чары», покажут следующие страницы. Есть целые группы явлений в природе, которые наука не в состоянии разумно объяснить, указывая на них, как только на нечто проистекающее из действия одних химических и физических мировых сил. В материю и силу наши ученые верят, а в жизненный принцип, отдельный от материи, — не желают верить, хотя, когда мы учтиво просим их объяснить нам, что такое в сущности эта материя и что такое заменившая ее теперь сила, то наши величайшие просветители становятся в тупик и говорят нам: «Не знаем».

Так вот, пока им еще известно об этих трех предметах так же мало, как англо-индийцам о тоддах, мы по-

просим читателя сначала вернуться с нами за более нежели полстолетие назад. Мы предлагаем ему послушать нашу сказку-быль о том, как мы впервые напали на существование Нильгири (Голубых Гор), ныне Мадрасского Эльдорадо. Как там нашли никому до того не известных великанов и карликов, в коих может быть усмотрено русскую публикой полное сходство между ее отечественными ведьмами и знахарями, а может, кое-что еще и похуже. Вдобавок ко всему этому, из этой сказки-были читатель узнает, что есть в Индийском поднебесье такая чудная страна, где, на высоте 8000 футов, в январе месяце люди ходят в одних кисейных покрывах, а в июле — часто кутаются в теплые шубы, хотя эта страна находится всего в 11 градусах от экватора. Так приходилось поступать и нижеподписавшейся, тогда как под ногами у нас на 8000 ниже постоянно стояла (по Фаренгейту) 118 градусов жара в прохладной тени самых густых деревьев.

Рагга-Бай
Уттакаманд (Голубые Горы)
9 июля 1883 года

Глава I,

*в которой два Немврода отправляются на охоту за «богами»,
а натываются вместо них на боа-конструктора
и на бробдигнагов и лилитутов.*

У Лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том...
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...
Пойдет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит...

А. С. Пушкин

Ровно шестьдесят четыре года тому назад, то есть в конце 1818 года, в сентябре месяце, недалеко от Малабарского берега южной Индии и всего в 350 милях от Дравидского пекла, именуемого Мадрасом, было случайно сделано самого неожиданного характера открытие. До такой степени оно показалось тогда всем странным, даже невероятным, что в первое время ему никто и не поверил. Мгновенно возникли легендоподобные, запутанные и совершенно фантастические слухи, сперва в народе, а затем распространились и выше. Но когда они проникли в местные газеты и превратились в официальную действительность, то лихорадка выжидания перешла у всех в полное горячее состояние...

В медленно шевелящихся и, вследствие жара, почти атрофированных от бездействия мозгах англо-мадрасцев произошла молекулярная пертурбация, говоря языком известных физиологов. Всё, за исключением лимфатических мудильяров, соединяющих в себе темперамен-

ты лягушки и саламандры, закопошилось, зашевелилось и громко забредило о некоем чудно-прохладном эдеме, в самых недрах «Голубых Холмов»¹, открытом, будто бы, двумя удалыми охотниками. По сведениям последних, там земной рай: благоуханные зефиры и прохлада круглый год; страна над вечными туманами Куимбатура², в которой шумят величественные водопады, стоит от января до декабря вечная европейская весна; цветут дикие сажены розы и гелиотропы; благоухают, в кувшин величиною, лилии³, и где свободно разгуливают, судя по их громадной величине, допотопные буйволы и обитают Гулливеровские бробдигнаги и лилипуты. Каждая долина, каждое ущелье этой чудной индийской Швейцарии представляет замкнутый от остального мира уголок земного рая и пр.

От этих рассказов у «высокочтимых» отцов «Ост-Индийской Компании» проснулась сонная и не менее мозгов атрофированная печень и потекли слюнки. В первое время никто не знал, где именно были открыты та-

¹ Перевод со слова «Нильгири», составленного из двух санскритских слов: Ни л а м — «голубой» и Ги р и — «горы» или «холмы»; так названные от яркого цвета этих гор, как они представляются глазам жителей из долин Майсура и Малабара.

² Как полагают, вследствие сильного зноя и болотных испарений местности, туман расстилается на высоте от 3 до 4000 футов над морским уровнем и вдоль всей цепи Куимбатурских гор, — постоянный голубой туман, чрезвычайно замечательного яркого голубого цвета, который и превращается во время муссонов в дождевые тучи.

³ Это не преувеличенное описание самой, быть может, замечательной в мире флоры. Кусты роз всех цветов вырастают в высоту домов и покрывают крыши, как и род гелиотропа, который достигает до двадцати футов; но самые замечательные из цветов — это белые с одуряющим запахом лилии. Действительно, величиной с графин, они растут в трещинах горных скал отдельными кустиками, в аршина два, три вышиной, распуская зараз с дюжину цветков. Эти лилии не растут на высоте менее 7000 футов, и ниже их нельзя найти. Чем выше, тем они прекраснее, и на Тоддабетском пике (около 9000) они цветут десять месяцев в году.

кие чудеса, ни куда, ни как ехать за столь заманчивою в сентябре прохладой. Наконец «отцы» решили, что следует подкрепить открытие официальным путем и прежде всего узнать, что такое именно открыто. Охотников пригласили в Главную Контору Президентства и тогда узнали, что близ Куимбатура произошло следующее.

Но, во-первых, что такое Куимбатур?

Куимбатур — главный город уезда этого имени, а самый уезд находится милях в трехстах от Мадраса, столицы южной Индии, и знаменит во многих отношениях. Во-первых, он был обетованною землей для охотника на слона и тигра, как и на более мелкую дичь, так как этот уезд, вдобавок к другим прелестям, славится своими болотами и дремучими лесами. Почувяв смерть, слоны почему-то всегда уходят из чащи лесной в болото. Там они заходят в глубокую тину, где и приготавливаются спокойно к нирване. Вследствие такой замечательной привычки, болото изобилует их клыками, и слоновая кость добывается (или скорее добывалась во времена оны) довольно легко.

Говорю «добывалась» в прошлом. Увы, для бедной Индии все с той поры изменилось! Теперь в ней ничего не добывается и никто ничего не может добыть, кроме разве вице-короля, которому вице-королевство доставляет царские почести и сумасшедшие деньги, впрочем, иногда с примесью гнилых яиц от сердитых англо-индийцев. Между «тогда» и «теперь» легла бездна имперского «престижа», поперек которой стоит привидение лорда Беконсфильда... Тогда «отцы Компании» добывали, покупали, открывали и сохраняли. Теперь вице-королевский совет получает, взимает, отнимает и ничего не сохраняет. Тогда «отцы» были круговращательной силой в застывающей крови Индии, которую они хоть и сосали, но иногда и обновляли, подливая новой крови в

ее устарелые жилы. Теперь же вице-король с советом подливают разве только желчи. Вице-король — есть центральная точка огромной империи, с которой он не имеет ни симпатии, ни чего-либо общего. «Отцы» если и были в одном смысле бурьяном родины священной коровы, то были и сочным репейником, кормившим миллионы кротких ослов. А вице-король — это пышный искусственно привитый цвет к растению, называемому Индийскою Империей, который, истощая силы, медленно убивает самоё растение. По поэтическому выражению сэра Ричарда Темпля, «вице-король — крепкая ось, вокруг которой должно вертеться колесо Империи...» Положим, что это и так, только это колесо стало с некоторых пор крутиться с такою бешеною быстротой, что грозит ежеминутно разбиться вдребезги...

Но, как тогда, так и теперь, Куимбатур славился не только своими лесами и болотами, но считался и считается рассадником проказы, лихорадок и элэфантиаза¹. Куимбатур, то есть уезд, носящий это название, скорее ущелье, нежели что иное. Это миль двести в длину и двадцать в ширину бесконечно длинная и узкая полоса земли. Расположенный между Малабаром и Карнатиком, Куимбатурский уезд врезывается острым углом в Анемальские, или Слоновые, Горы² к югу; постепенно поднимается к высотам Майсура — к северу; а затем, как бы приплюснутый сбоку Западными «Гхатами»³ с их

¹ Эта ужасная и почти неизлечимая болезнь, которая может, впрочем, длиться целые годы, оставляя человека в других отношениях совершенно здоровым, весьма здесь обыкновенна. Начинает сперва пухнуть с подошвы и до подколенного одна нога, затем другая, пока обе не превратятся в настоящие бесформенные ноги слона как видом, так и величиной.

² От слова «а не» — «слон», и потому, вероятно, что с незапамятных времен горы эти изобилуют слонами.

³ Ghats — «горы».

дремучими почти девственными лесами, круто обрывается и исчезает в более мелких джунглях лесных племен. То тропическая, вечно зеленая от испарений болот, обитель слона и ныне уже вымирающего боа-констриктора. Со стороны Мадраса эта нагорная масса, похожая издали на прямоугольный треугольник, словно прицеплена к другому, еще более громадному треугольнику, — к равнинам Декканской нагорной плоскости, упирающей свою северную оконечность в Виндийские горы (Vindya) Бомбейского президентства, а западную и восточную оконечности — в «холмы» Сахиядри Мадрасского президентства. Эти две разжалованные англичанами в холмы горные цепи составляют точку соединения между восточными и западными гхатами Индии. По мере того, как восточные приближаются к западным гхатам, они начинают постепенно утрачивать свой вулканический характер. Соединяясь наконец с волнообразными живописными возвышенностями западного Майсура и словно слившись с ними, они окончательно перестают считаться гхатами и называются просто холмами¹.

Обе оконечности этого как бы треугольника возвышаются в Мадрасском президентстве по обеим сторонам, направо и налево, города Куимбатура, в виде двух восклицательных знаков. Словно два гиганта часовые, поставленные природой сторожить вход в ущелье, стоят эти два остроконечные пика, увенчанные зубчатыми скалами на подножии из зеленых лесов и с бедрами, вечно укутанными в облаках да сизых туманах. То остроглавые горы, прозванные в местной англо-индийской географии «Тенерифами» Индии, Нильгири и Муккар-

¹ Гхата — «гора», а гири — «холм».

тебет. Первый, то есть Тоддабет, возвышается на 8760 футов, другой — на 8380 футов над морским уровнем.

В продолжение столетий обе эти вершины, особенно от Рангасуами, возвышенности самого грозного издали вида, слыли в народе за горы, недостижимые для простых смертных. Давно уже такая их слава перешла в местные легенды, и вся эта страна считалась в народном суеверии за область священную и потому заколдованную, преступить рубеж которой, даже нечаянно, было бы святотатством, достойным смерти. То-де обитель богов и высших дэв (див). Там сварга (рай) и там и наказания (ад), полный «азуров» и «пизачей»¹. Таким образом, под охраной религиозного поверья Нильгири и Тоддабет оставались в продолжение долгих веков совершенно неизвестными остальной Индии. Тем не менее в те далекие времена «достопочтенной» (Right Honourable) Ост-Индийской Компании, то есть в двадцатых годах XIX столетия, могло прийти в голову кому-либо из европейцев исследовать замкнутую со всех сторон внутреннюю местность в горах; не потому, чтобы кто из них верил в поющих духов, а потому, что, веря в недостижимость их высот, никто не подозревал, что бы там находились столь прелестные уголки, тем менее кем-либо обитаемые, кроме диких зверей да змей. Редко бывало, когда англичанин-спортсмен или охотник из евразиев, дойдя до подошвы одного из заколдованных холмов, настаивал, чтобы туземный шикари (охотник) проводил его на несколько сот футов выше. Проводники-туземцы, как бы сговорясь с шикари, очень естественно, под тем либо другим предлогом, от этого отказывались. Чаще всего

¹ Азуры (асуры) — «духи», певцы, усаждающие уши богов песнями, как гандарвы тешат их музыкой; пизачи (пишачи) — духивампиры. Все они дэвы (дивы) и разделяются на много классов.

они уверяли «сааба», что далее и идти нельзя; нет-де там ни лесов, ни дичи, а есть только одни бездны, скалы до облаков да трущобы, обитаемые злейшими лешими — почетная стража див. Поэтому ни один шикари не соглашался ни за какие деньги идти выше известной черты на этих горах...

Что такое «шикари»? Современный представитель этого класса остался тем же, чем он был и в баснословные времена царя Рамы. В Индии всякая профессия становится наследственной, а затем переходит в касту. Чем был отец, тем будет и сын. Целые поколения кристаллизуются и как бы застывают в одной и той же форме. Шикари обыкновенно одет в костюм, составленный из охотничьих ножей, пороховниц из буйвольего рога да деревянного кремниевого ружья с девятью осечками на десять выстрелов, на совершенно голом теле. Часто он имеет вид дряхлого старика, и, при встрече с ним, одаренному чувствительным сердцем «иностранцу» (то есть не туземцу, как и не англичанину) всегда хочется предложить ему гофманских капель: до того у него впалый и словно подведенный болью живот. Но не потому наш шикари еле ползает и ходит сгорбившись, согнутый в три погибели, а по долгой, развившейся в силу его профессии, привычке. Пусть только подзовет его к себе сааб-спортсмен, пусть покажет и посулит ему несколько рупий, и шикари мигом выпрямится и начнет торг на какого угодно зверя. Условившись, он опять согнется в дугу, поползет осторожно, обвив тело и подошвы пахучими травами, чтобы не выдать себя зверю и чтобы не почуял тот «духа человеческого». И просидит он несколько ночей напролет, спрятавшись, как хищный ястреб, в густой листве древесной среди «вампиров», менее его кровожадных. Не выдавая своего присутствия и полу-вздохом, дряхлый Немврод готовится хладнокров-

но следить за агонией привязанного им, для приманки тигра, к дереву злополучного козленка или младенца-буйвола. А затем, оскалив зубы до ушей при виде тигра, он станет прислушиваться, не шевеля ни одним мускулом, к жалобному бляенью и обонять с наслаждением запах свежей крови, смешанный с хорошо ему знакомым острым специфическим запахом полосатого палача лесов. Раздвинув осторожно и неслышно ветви, он будет зорко и долго наблюдать за насыщающимся зверем, и когда тот, тяжело ступая окровавленными лапами по засохшей земле, облизываясь и зевая, обернется еще раз по привычке всех «полосатых» поглядеть на останки своей жертвы, тогда шикари выстрелит из своего кремневого ружья и наверно положит зверя на месте с одного разу. «Ружье шикари никогда не осекается, стреляя по тигру», древняя поговорка, перешедшая между охотниками в аксиому. А если сааб желает сам позабавиться стрельбой в лесного «бара сааба» (большого господина)¹, то шикари, заметив с дерева, куда тигр отправился почивать, при первых лучах солнечных, тотчас же соскочит со своей ветки, бросится со всех ног в деревню, наймет толпу, устроит облаву и будет он целый день, под палящими, убийственными лучами солнца, бегать от одной группы к другой, устраивать, кричать, жестикулировать и отдавать приказания, пока «сааб» № 1 не ранит с безопасной высоты своего слона «сааба» № 2, когда шикари все-таки придется самому доконать зверя из своего древнего ружья. Только затем уже, если не слу-

¹ Эта кличка дается туземцами, безразлично, как всякому чиновнику или охотнику из англичан, так и тигру. Для невинного индуса действительно не представляется между двумя такого уж большого различия: разве только что на первом, к его незаслуженному счастью, ружье злосчастливого туземца, при каждой национальной попытке, всегда давало осечку.

чится чего особенного, отправится шикари под первый попавшийся куст, где он, в одно и то же время и за один раз, роскошно позавтракает, пополудничает, пообедает и поужинает горстью протухлого риса и каплей болотной воды.

Так вот с тремя такими удалыми шикарями, и как сказано, в сентябре 1818 года, к концу летних вакаций, два англичанина, чиновники-землемеры на службе Компании, отправясь на охоту в Куимбатур, заблудились и дошли до самых, в те времена охотничьих, пределов, а именно до Гузлехутского ущелья, близ ныне знаменитого водопада Колакамбу¹. Над ними, далеко и высоко под облаками, прорываясь отдельными пятнами сквозь сизый тонкий туман, виднелись скалистые иглы Нильгири и Муккартебета... То terra incognita, заколдованный мир —

...Горы таинственные,
Обитель Див неведомых,
Холмов Голубых...

— как гласит старая песня на нежном наречии малаялима. Поистине «голубые»! Смотрите на них с какой угодно точки и на каком хотите расстоянии, снизу, сверху, или из долины или других высот, и пока они не пропадут у вас совсем из вида, то даже в туманную погоду холмы, сверкая, как драгоценный сапфир внутренним огнем, словно тихо дышат, переливаясь, как волнами, своими золотисто-голубыми, в отдалении — синими, лесами, невольно поражая своим необычайным колоритом...

Землемеры, пожелав попробовать счастья, приказали шикарям вести их далее. Но удалые шикари, «как то

¹ Этот водопад имеет 680 футов высоты. Теперь подле него проходит дорога в Уттакаманд.

го и следовало ожидать», наотрез отказались. Далее, из отчета двух англичан, мы узнаем, что эти старые, опытные и храбрые охотники, истребители тигров и слонов, с первого слова о том, чтобы идти далее, за водопад, бросились бежать. Пойманные и приведенные назад, они все трое повалились ниц перед ревущим потоком и, по наивному сознанию одного из межевщиков, Киндерзлея, «соединенные усилия наших двух толстых плетей не могли поднять их на ноги... и прежде нежели они не окончили своих громких заклинаний дивам этих гор, мольбы богам не наказывать и не губить их, невинных шикарей, за такое преступление. Они трепетали как осиновый лист, катались по мокрой земле берега, словно в припадке эпилепсии»... «Никто и никогда не переступал за пределы водопада Колакамбе, — говорили они, — и кто вступит в эти тущобы, тому никогда не вернуться живым!»

Так в тот раз, или, скорее, в тот день, англичанам не удалось даже и переступить за черту водопада. Волею-неволей пришлось вернуться в деревню, из которой, переночевав накануне, они вышли утром. Без проводников и шикарей англичане боялись заблудиться, а потому уступили. Но они внутренне поклялись заставить шикарей идти в будущий раз далее. Вернувшись в селение на новый ночлег, они созвали почти всю деревню и стали держать со старшинами совет. То, что они услышали, разожгло их любопытство еще более.

В народе ходили о заколдованных горах самые невероятные слухи; и многие из мелких «земиндаров» (землевладельцев) ссылались на местных плантаторов и чиновников евразиев, как на людей, которые знают правду о священной местности и хорошо понимают невозможность добраться туда. Рассказывали целую эпопею о некоем плантаторе индиго, имевшем все добродетели,